

— Разве уничтожение Бифроста не вызовет обратную магическую реакцию? — спросил Локи, заставляя себя сосредоточиться на текущем вопросе. — Да, — подтвердил он. — Она подбросила нас обоих в воздух и перебросила через край разрушенного Бифроста. Один появился как раз вовремя, чтобы поймать ногу Тора. Он успел схватить Гунгнир, а я поймал другой конец. Я... коротко поговорил с Одином, пытаюсь объяснить, почему поступил именно так, как поступил, но он отказался, и я... я отпустил его. Ужас был мгновенной реакцией, и Локи растерялся, подбирая слова. Самоубийство. Локи признал самоубийство, хотя и не в таких выражениях. Локи ничего не мог сказать. То, что одна лишь мысль об этом шокировала и ужасала его, успокаивало, ибо доказывало, что сам он еще не близок к этому, но и не так далек, как хотелось бы. Без помощи и при правильном эмоциональном воздействии Локи мог увидеть себя там, где был он сам. — Червоточина Бифроста все еще открыта? — наконец спросил Локи. — Хм... — Я не знал, что кто-то может выжить в Пустоте. — Большинство — нет, — просто ответил Локи, его голос был лишен выражения. — Без моей магии я бы не смог. Это... невозможно описать. Локи и не хотел, одна мысль об этом леденила его. Знание о том, что он может это пережить, было достаточным на данный момент. Если в ближайшие несколько дней ему и требовалось какое-то поощрение, чтобы придерживаться нового курса действий, то это точно было оно. Теперь он точно знал, почему обнаружил в сознании Локи следы безумия и психической нестабильности. Он готов вытерпеть многое, в том числе и Один Всеотца, лишь бы с ним не случилось этого раскола разума. — Как ты выбрался? — спросил Локи. — Меня вытащили. Внезапные эмоции в голосе Локи, появившиеся после прежней нейтральности, наполнили Локи ужасом, ибо все это было негативно. Гнев, боль, страх он распознал достаточно легко, но все остальное представляло собой безнадежную мешанину, состоящую, как он сильно подозревал, из агонии, ужаса и отчаяния. Локи вдруг посмотрел через плечо, прежде чем продолжить. — Тот, кто вытащил меня из Пустоты, был Танос, Безумный Титан. Старый враг Одина. По телу Локи пробежал лед. Он знал старые истории, как приукрашенные, рассказанные в пиршественных залах, так и более клинические, хранившиеся в библиотеке. Ни одна из них не была хорошей, и он хорошо понимал, какую опасность для Иггдрасиля представлял Танос. — Он знал о твоих отношениях с Одином? — тихо спросил Локи. — О, да. А также о моих талантах и способностях, поэтому он так обрадовался, схватив меня, — продолжал Локи. — У него есть планы для Асгарда, Девяти и Иггдрасиля. Планы, которые предполагают сбор и использование Камней Бесконечности. И он знает, что один из них, Тессеракт, сейчас находится на Мидгарде, поскольку люди начали экспериментировать с ним. — Глупцы, — пробормотал Локи, понимая, к чему все идет, и ему оставалось лишь не пожалеть о Локи. — Он хотел, чтобы ты использовал свое знакомство с Тессерактом и переместился к нему по воздуху, где бы он ни находился. — Именно так, а затем организовал его использование для открытия портала, через который его армия Читаури могла бы отправиться на захват и покорение Мидгарда. После этого он притворился, что подарил мне Мидгард. — Конечно. Его целью был Асгард, да? — В конце концов. Это и все Девять, а также Иггдрасиль. Он задавал мне много вопросов о Мировом древе. Я не совсем уверен в его намерениях, но сомневаюсь, что кто-то из нас хотел бы, чтобы они стали реальностью. — Рассказал ли ты Одину, что случилось, когда вторжение провалилось и Тор захватил тебя? — спросил Локи. По тому, как дернулись губы Локи, можно было понять, что его будущее существо наслаждается тем, что ему не нужно объяснять план, который он разработал, чтобы сбежать от Титана. Однако веселье было недолгим, и Локи прекрасно понимал, почему. Ему не нужно было, чтобы Локи рассказывал, что сделал Танос, чтобы довести его до такого состояния, что он даже задумался о таком отчаянном плане. Сказать, что в этом участвовали пытки, было бы преуменьшением. Танос был известен своей жестокостью и садизмом, поэтому, когда ему представили предполагаемого сына его старого заклятого врага, который победил его и теперь бросает ему вызов... Танос, должно быть, решил, что нашел Валгаллу. — Нет, какой в этом смысл? — усмехнулся Локи. Локи тоже понял, в чем дело. Его достаточно часто обвиняли во лжи, когда он говорил правду, чтобы понять, как это может произойти здесь. Особенно когда

Один и все остальные были так уверены в своей победе над Таносом. Практически все рассказы, которые он читал о том времени, заканчивались тем, что Танос либо был полностью повержен, либо так избит, что уже никогда не оправится. Если бы он упомянул имя Безумного Титана в суде, это было бы воспринято как то, что он хватается за соломинку, чтобы спастись. Ведь большинство жителей Асгарда и так не верили, что он втайне желает заполучить Трон Одина. Так почему бы им не предположить, что в качестве альтернативы он может рассматривать возможность управления другим королевством? — Хорошо, сначала Йетунхеймр, а потом Танос, — сказал Локи, не вполне понимая, нравится ли ему, когда есть на чем сосредоточить внимание, или нет. При правильном подходе он мог бы использовать обе ситуации и манипулировать ими в своих интересах. — И темные эльфы, — добавил Локи. — Темные эльфы? Разве они не все были уничтожены? — Очевидно, нет. В Локи поднялась волна желания рассмеяться, но он сдержался, понимая, что это прозвучит не совсем правильно. Неужели хронологи Асгарда в чем-то правы? Или просто линия Одина, как выше, так и ниже, была патологически неспособна говорить правду? И они называли его богом лжи и лжецов! — А нам не все ли равно? — спросил Локи, надеясь, что это не добавит ему еще одну проблему. — Они убивают Мать. Слова заморозили Локи, и только его глаза смогли двигаться, когда они метнулись к лицу Локи. — Что? — Они убивают Фриггу, когда нападают на Асгард в погоне за эфиром, заразившим смертную, в которую влюбился Тор, а затем привезли сюда, чтобы леди Эйр осмотрела ее. Обычно тот факт, что его брат-идиот на самом деле влюбился в смертную, немедленно привлёк бы внимание Локи и вызвал насмешки, но сейчас он едва ли обратил на это внимание. Вместо этого все его внимание было сосредоточено на том, что Локи знает, когда умрет мать и как он может это предотвратить. — Когда и как? — Примерно через два года и шесть месяцев, — ответил Локи. — Это была смешанная лобовая атака и проникновение. — Их корабли оснащены режимом невидимости, который скрывает их от глаз, даже от нас, что позволило им незамеченными подойти к Асгарду. Хеймдалль заметил первый из них только в самый последний момент и сумел сбить его, но их было не один. — А тот, что внутри? — Думаю, только один. Он попал сюда как пленник, захваченный, когда Тор, Сиф и Три Воина подавляли бунт, вспыхнувший среди Девяти после разрушения Бифроста, — ответил Локи. — Я не видел всего этого, так как находился в своей камере, но, похоже, темный эльф пришёл сюда под видом обычного грубияна, а затем активировал устройство, превращающее его в обученного солдата. — Эти отчёты реальны? — Хм, всё, что они говорят, и даже больше. Когда Один отказался позволить Тору отправиться за ними, чтобы спасти своего смертного и отомстить за мать, он обратился ко мне за помощью в путешествии в Свартальфахеймр. Взамен он обещал мне шанс отомстить, прежде чем я снова окажусь в заточении. Во время битвы Тор столкнулся с Курседами и узнал о них всю правду. Этот идиот был беспомощен перед ними, его избили до полусмерти, когда вмешался я.